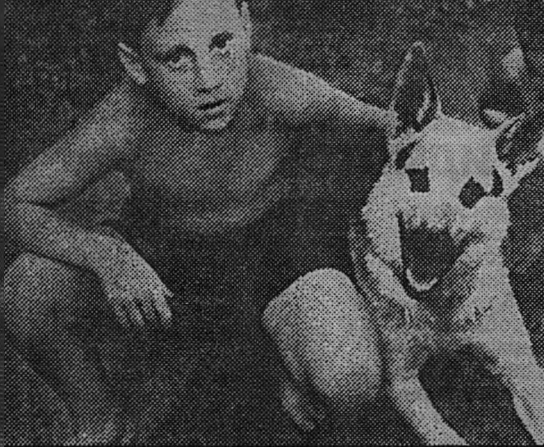

Леонид
ШТУРМАН: Я вырос

в одной коммуналке с Высоцким,

а знаменитый герой его песни Мишка
Шифман - муж моей сестры

— Этот дом стоял наискось от Рижского вокзала, сейчас там прямо напротив кафе «Рига»... На третьем этаже в коммуналке жил мой двоюродный брат, Миша Яковлев со своей матерью, и соседями у них была семья Высоцких — Нина Максимовна и Володя. Тетя Гися, Мишкина мать, вот в песне «Я родился на 1-й Мещанской» там как раз он о ней поет — Гися Моисеевна. И Евдоким Кириллович — полотер он был. Вот он еще пел такую песню, что еврей и русский собрались в Израиль, а пустили не еврея, а русского.

— Про Мишку Шифмана.

— Да, Мишка Шифман — это муж моей сестры.

— Леонид Алексеевич, а почему «Где твои семнадцать лет — на Большом Каретном»? Ведь жил он, оказывался, в то время не там.

— Когда Сеня Высоцкий вернулся из Германии, у него была уже вторая жена. И естественно, что Сеня поселился отдельно — на Большом Каретном. Несколько лет Вовка жил с ним, а потом он вернулся сюда. Но все его детство проходило на 1-й Мещанской. С 28-го года там моя тетка жила... Они вместе жили еще и в другой коммуналке, и когда часть дома, где находилась их квартира, снесли, встал вопрос, какую новую квартиру получать. И поскольку эти семьи были очень связаны, а однокомнатных квартир в доме не было, то они решили взять трехкомнатную квартиру на двоих. И, значит, в этой квартире первая комната стала комнатой Вовы с Ниной, вторая комната — Миши с мамой, а третья комната у них была общая.

— А где жили вы?

— Лично я с мамой, папой и сестрой жил в Капельском переулке — от Высоцких две остановки. Я с семнадцати лет ушел на фронт и вернулся только в начале августа 45-го года... И с этого времени я практически чуть ли не каждый день бывал там. Мой двоюродный брат имел огромное количество друзей. Вот он, Андрияш Данатов, а потом и Алики Аксельрод, и Сережа Муратов, они начали такую передачу, которая называлась ВВВ — «Вечер веселых вопросов». Вы,

наверное, об этом не слышали. Эта передача собирала у телевизоров всю Москву. Вел ее в зале главного здания МГУ Никита Богословский. Там задавали, скажем, такие вопросы: Иванов Иван Иванович — кто с такой фамилией, кто родился в таком-то году такого-то месяца и такого-то числа, быстро приезжайте за призом. И, я помню, в таких случаях трудно было достать такси, потому что сотни и тысячи людей устремились туда. Только после этого ВВВ начался КВН. Придумал эту передачу мой двоюродный брат, Миша, а название взял от нашего «КВНа», был такой телевизор, я храню его до сих пор. Володя был тогда учеником девятого или десятого класса, засиживался до двух, до трех часов ночи с моим братом и его друзьями, которые писали сценарии КВН, иногда давал советы и бегал за сигаретами.

— А что это были за друзья?

— Моя тетка была совершенно исключительной женщиной, которую любили все в доме. И в этом доме было всегда полно народу. Там было много актеров. Ну таких, как Володя Пузырев. Приходил певец Сережа Давидян. Он до сих пор жив, мы иногда встречаемся. Бывала там тогдашняя ведущая КВН, то ли Светлана, то ли Наташа, был и сегодняшний ведущий, как его...

— Масляков?

— Да-да. Частыми гостями были капитаны команд. Был такой Мотя, капитан очень популярной одесской команды; из Баку был парень, сейчас все время в КВН сидит, он директор... Гусман! Бывали Валечка Леонтьева, Вера Марковна Орлова. Один раз был Ираклий Андроников. Мой брат дружил с Эмилем Гильельсом, с его супругой, с Целиковской был хорошо знаком. Мое твердое убеждение, что Володя стал артистом благодаря вот этой компании, в которой он всегда присутствовал. От него в нашу комнату никогда дверь не была закрыта, и никто никогда не спрашивал разрешения войти. Практически это была одна семья.

— Но ведь тогда еще он не хотел быть артистом...

— Когда он окончил школу, был вопрос, куда пойти учиться. И он пошел в инженерно-строительный институт на Разгуляе. Прошло полгода, а он уже начал посещать какой-то актерский клуб. Я не помню, где, как, что, во всяком случае, он этим заинтересовался. И я как-то пришел туда, и мне Нина говорит: я тебя очень прошу, побеседуй с Вовкой, он решил бросить институт и поступать на актерский. Пришел Вовка, сел покусать, мы поболтали, а потом я говорю: ну ладно, теперь поговорим серьезно. «А, тебе мама уже сказала!» — сказал он. Тише, тише, ответил я, да, сказала мама, и я считаю, что она права. Тебе осталось всего ничего, сдай хоть семестр, тебе осталось — то совсем немного, кончай первый курс, а потом поступай куда хочешь. Он встал (мы рядом сидели), сделал шаг ко мне,

**Сеня Высоцкий
купил двухлетнему
Вовке клюшку
и мячик. Причем
клюшка была
в полтора раза
выше Вовки.**

поцеловал меня в лоб и сказал: я тебя очень люблю, но ни тебя, никого не послушаю. Я твердо решил поступать в театральное училище. Мне кажется, сказал он, что это мое призвание. Короче говоря, он бросил институт. Поступил в Шувкинское.

— А когда вы заметили, что Володя пишет песни?

— В 1957 году, на свадьбе моей сестренки... Я, откровенно говоря, не обращаю внимания, что он упражняется на гитаре, и так далее. И вот когда была эта свадьба, Володя вдруг начал что-то напевать. Он начал играть и петь песню. Всю я не помню, я только куплет помню:

Алеша жарил на баяне,
гремел посудой шалман.
В дыму прозрачном,
как в тумане,
плясал одесский шарлатан.

Это не его были стихи. И он так исполнял, что лично я валялся прямо, это было так смешно и неожиданно. А писать он начал уже после.

— Как закончилась эта коммуналка?

— На последних курсах института Володя женился на Изольде, Иза мы ее звали. Ну, естественно, жила она у нас. Они заняли вот эту комнату, которая была столовая. Стало немножко тяжелее принимать знакомых, друзей, а там без этого не проходило ни дня. Ну и они решили разменяться. Нина с Володей переехали в Черемушки. Я жил в коммуналке, у нас там было семь жильцов, и была в соседней семье Пачиных девочка-подросток, не помню, как ее звали, у нее я услышал магнитофонную запись — Вовкин голос. И я у нее спросил — слушай-ка, кто это? А она говорит — ну вы меня удивляете. Как в деревне живете незлектрифицированной. Это же Владимир Высоцкий. Это был год 1960-й, 1959-й...

— Он уже тогда хрипел?

— Голос у него был хриплый с самого рождения. Вот ему было два года, и я, помню, пришел к ним в воскресенье, и, значит, дядя Яша, он погиб под Ельней в 41-м году, дядя Яша лежал и отдыхал. А Вовке Сеня Высоцкий купил клюшку и мячик. Причем клюшка была в полтора раза выше Вовки. Я с братишкой играл в шахматы. Вовка пришел и сказал: будем играть в хоккей! А я сказал: нет, играй с дядей Яшей, мы заняты. И он подошел, а дядя Яша спал. И он ему таким грубым голосом: «Дядя Яша! Вова хочет играть в хоккей!». Дядя Яша, естественно, не реагирует. Или два с половиной Вовке было, или три, не помню. И вот он этой клюшкой дяде Яше и попал по одному месту. Дядя Яша вскопился, как бешеный, — Вовка, милый, что ты делаешь! А тот ему опять хрипит: я хочу играть в хоккей! А буквально перед смертью, кстати, Володя был здесь и сидел на этом стуле, где сейчас вы. Заезжал за мной — я хотел еще раз посмотреть «Гамлета»...

Беседавал
Михаил РЫБЬЯНОВ.